

Какая же? Ответ на этот вопрос, не говоря уже о его трудности (здесь нужно детальное и сложное исследование), выходит за пределы нашей работы. Лишь в виде привеска к ней мы выскажем несколько соображений.

1. Хоть малербова происхождения, парение превратилось у Ломоносова в явление так широко, не по-малербову, развившееся и настолько принадлежащее ему одному, что вышеприводившаяся яркая характеристика его стиля у Г. А. Гуковского к Малербу самому явно неприменима.

2. Парение нельзя понимать формалистично. Если «восторг внезапный ум пленил», то это могло произойти только потому, что «ум» уже заранее был «пленен» некоторыми идеями, вызывавшими в нем смысловой «восторг». Парение слов предполагает парение мысли.

3. Если вдуматься в наиболее яркие случаи парящего стиля у Ломоносова, то видишь, что они стягиваются к идее государственности, величия русского государства, его военной мощи:

Лишь только ошолчишься к бою,
Предъидет ужас пред тобою,
И следом воскурится дым,

(I, с. 189)

к образу демиурга Петра и в особенности к идее прогрессивной государственности:

Невежество пред ней бледнеет.
Там влажная стезя белеет
На восток плывущих кораблей,

(I, с. 151)

государственности, осуществляющей всемирное дело цивилизации. Далее, сама идея цивилизации, в частности союза между цивилизацией и русским народом:

Я вижу умными очами:
Колумб Российский между льдами
Спешит и презирает рок.

(II, с. 83)

Далее, героизм деятелей цивилизации, ее творцов и распространителей. Недаром перевод оды Руссо («Руссовой оды», как называли ее у нас в XVIII в.) превосходит подлинник. Ломоносов нашел в ней выражение морали стоицизма, ему всегда близкой: велик только тот, кто остается самим собой среди превратностей судьбы, но способен к такому величию только тот, кто представляет своей жизнью единую норму разума:

Вотще готовит гнев Юноны
Энею смерть среди валов,